

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Т. Масленникова*
Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использована
фотография: Vagengeim / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Девочка, которая лгала / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-102991-3

Профессиональный телохранитель Евгения Охотникова умеет очень многое: стрелять из любого вида оружия, обезвреживать бомбы, владеет приемами рукопашного боя. Вот только клиент — шестилетняя девочка Луиза Лазарева. Луиза, или, как все ее называют, Лу, — необычная девочка. Мало того что недавно погиб ее отец, банкир Лазарев, оставивший ей огромное состояние, так она постоянно врет — то рассказывает, что отца убила настоящая ведьма, то говорит, что в лесу живет зомби. Теперь Охотниковой придется примерить на себя роль суперняни, а защищать Лу весьма непросто...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-102991-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Земля скрипела у меня на зубах, когда я наконец выбралась из своей неглубокой могилы. Откинувшись на спину, я раскинула руки и жадно, давясь и кашляя, глотала холодный воздух, пахнувший лесом, грибницей, хвоей, подступающей зимой, свободой, жизнью. Глядя в чернильное небо с редкими гвоздиками звезд, я слышала ночную музыку леса — скрип веток, уже лишенных листьев, шелест хвои, стон старого расщепленного дерева, свист ветра в голых ветвях.

Я знала, что в лесу я не одна, — в этих местах водились дикие кабаны, и, хотя медведей здесь не видали лет сто, зато волки еще встречались. Но мне было плевать. Сейчас я сама была страшнее любого дикого зверя, и в этих краях не было никого опаснее меня...

Кроме одного человека. Но ему придется подождать...

Мысль о медведях заставила меня вспомнить о ребенке. Надеюсь, еще не поздно. А если поздно...

Я должна встать. Должна действовать. Должна успеть. Вот только подышу еще минуту, всего одну минуточку.

Но тут из леса вышел зомби. Тяжело ступая, он приблизился ко мне и остановился. На фоне звездного неба его силуэт казался сотканным из мрака.

Зомби протянул мне черную руку и едва слышно произнес: «Вставай. Пора им заплатить за все, что они сделали».

Я не колебалась ни секунды. Ухватившись за руку неожиданного союзника, я поднялась с земли и широко улыбнулась мертвецу.

ГЛАВА 1

Мне не впервой работать на покойников — в моей практике уже были такие случаи. Поэтому я почти не удивилась, когда раздался телефонный звонок и приятный мужской голос осведомился:

— Евгения Максимовна Охотникова?

Поскольку на экране моего телефона высветился номер, я знала, с кем имею дело.

— Для вас просто Евгения. Доброе утро, Иосиф Леонидович.

Адвокат Сташевич был известным в городе человеком. В нашем провинциальном Тарасове не так уж много юристов такого калибра.

Правда, в последние годы Сташевич несколько отошел от дел. Возраст Иосифа Леонидовича позволял ему надевать костюм и галстук и возвращаться к практике только в исключительных случаях — когда содействие требовалось кому-то из старых друзей или особенно важных клиентов.

— Рад, что вы не забыли меня, Евгения, — очень вежливо произнес Сташевич.

Он всегда разговаривал так, что каждая женщина чувствовала себя если не английской ко-

ролевой, то герцогиней уж точно. Мне, пацанке родом из Владивостока, это было даже забавно.

При всех своих прекрасных манерах и обманчиво-мягкой речи Сташевич был крутым профи. Его время стоит денег — так же, как и мое, кстати. Юрист не стал бы звонить без веской причины, особенно в воскресное утро.

— Иосиф Леонидович, я внимательно вас слушаю.

Адвокат выдержал паузу — слегка театральную, надо признать, — и выдал:

— Евгения, я хочу предложить вам работу.

Вот, именно этого я и опасалась.

Когда я, единственная женщина-телохранитель в нашем городе, в первый раз услышала бархатный голос пожилого юриста, то не предполагала ничего плохого.

В конце концов, я востребованный профессионал, а охрана — то, чем я зарабатываю на хлеб, масло, овощи и хорошо прожаренные стейки.

Задание, которое предложил мне тогда Сташевич, на первый взгляд казалось несложным — всего-то и дел, что найти и доставить в город одну сиротку, восемнадцатилетнюю деревенскую простушку, которой посчастливилось оказаться единственной наследницей криминального авторитета с погонялом Серебряк.

Закончилась эта история трагедией.

Кстати, сиротка организовала вполне техническое покушение на мою жизнь, о чем я до сих пор забыть не могу.

Но главной «фишкой» той истории было то, что работала-то я на покойника. К моменту, когда я подключилась, Серебряк был мертв, а его завещание лежало в сейфе у Сташевича...

При этих крайне неприятных воспоминаниях я ощутила, как просыпается мое шестое чувство. Интуиция не однажды спасала мне жизнь... хотя так же часто подводила и заставляла ошибаться. Но человек, совершивший сотню прыжков с парашютом — вот как я, — склонен прислушиваться к предчувствиям. Поэтому я осторожно поинтересовалась:

— Иосиф Леонидович, скажите, вы сейчас говорите от имени своего клиента?

Адвокат несколько недоуменно ответил:

— Разумеется, Евгения!

Да, конечно, Сташевич не стал бы звонить мне по собственной инициативе, чтобы поинтересоваться, какие у меня планы на уик-энд.

Тогда я еще более вкрадчиво спросила:

— Не поймите меня превратно... но ваш клиент в добром здравии?

Мне показалось или Сташевич ахнул? Во всяком случае, пожилой законник закашлялся — так, как обычно делают те, кто пытается выиграть время.

— Уважаемый Иосиф Леонидович, — проникновенно произнесла я в трубку, — только не говорите, что снова хотите предложить мне работу на покойника. Как тогда.

Сташевич уже справился с эмоциями и включил свое прославленное обаяние, перед которым так трудно было устоять:

— Евгения, вы не перестаете меня поражать! Как, как вам удастся быть такой проникательной? Это ваше главное достоинство, конечно, помимо вашего профессионализма и поразительной красоты!

«Какие перышки, какой носок... и верно, ангельский быть должен голосок!» — пробормотала я себе под нос памятные с детства строчки басни про ворону и лисицу. Но поневоле почувствовала себя польщенной.

— Иосиф Леонидович, я высоко ценю ваше мнение, но давайте все-таки к делу. Кому требуется охрана?

— Ребенку, — так же прямо ответил Сташевич. — Шесть лет. Девочка.

— Боюсь, это немного не мой профиль, — с некоторым облегчением произнесла я. — Вынуждена отказаться.

— Но почему? — изумился Сташевич. — Вы лучший телохранитель в городе. Неужели такое простое дело, как охрана ребенка, вызовет у вас какие-то сложности?

— Да не вызовет, конечно... дело в другом. Я ничего не понимаю в детях. Вы же знакомы со специфическими подробностями моей биографии. Не думаю, что стану подходящей компанией для ребенка шести лет, тем более девочки. Найдите кого-нибудь другого. Могу порекомендовать чудное охранное

агентство, его держат мои друзья, семейная пара...

— Послушайте, — Сташевич перебил меня довольно жестко, — ребенку не нужна компания, речь идет о жизни девочки. Ей нужен лучший в городе профи, который обеспечит ей безопасность. А это именно вы. Конечно, если вы наотрез откажетесь...

Сташевич специально подвесил паузу, давая мне возможность проглотить приманку.

Если я откажусь, то моей репутации «самого крутого профи в городе» будет нанесен существенный ущерб. Возможно, это звание после выполнения предлагаемой Сташевичем работы получит кто-то другой. А я не намерена сдавать своих позиций. Мне нравится быть номером один. К тому же первому номеру платят гораздо больше, чем второму...

— В принципе я согласна, — медленно проговорила я, — но для окончательного решения мне нужно больше информации.

— Не по телефону, — вкрадчиво произнес Сташевич.

— Естественно. Давайте сделаем так — через час я буду у вас в конторе, и мы все обсудим.

Сташевич замялся.

— Что-то не так? — удивилась я.

Прекрасно помню особнячок в центре города, который занимала контора адвоката, его пожилую строгую секретаршу и тяжелую мебель полированного дерева. Может быть, на юристе отразился финансовый кризис, и ему не по кар-

ману арендовать особняк в центре Тарасова? Ну уж нет, кому угодно, но только не Сташевичу...

— Знаете, Евгения, приезжайте лучше ко мне домой, — проговорил юрист. — Вы же помните, где я живу?

Конечно, я удивилась — никогда не видела Сташевича вне профессиональной обстановки, не считая одного раза, когда завезла ему кое-какие документы на хранение, поскольку не была уверена, что доживу до утра. Тогда я и узнала адрес адвоката.

— Хорошо, скоро буду, — отрапортовала я и прервала связь. Положила телефон и задумалась.

Раз Иосиф Леонидович приглашает меня домой, значит, дело, в которое он хочет меня втянуть, либо очень грязное, либо чрезвычайно личное.

Как оказалось, правдой оказалось и то и другое.

Заводя мотор «Фольксвагена», я по старой привычке анализировала мотивы собственного поведения. Почему дело, которое предлагает мне Иосиф Сташевич, вызывает у меня такое... как бы это сказать... внутреннее сопротивление?

Будь честна с собой, Охотникова, тебя так напрягает это дело потому, что речь идет о семье. Потому что в твоей собственной семье...

Да нет у тебя никакой семьи, пора уже признать!

С тех пор как я вышла в отставку и переехала в провинциальный Тарасов, моя семья — это пожилая тетушка Мила.

Людмила Охотникова приняла меня, не задавая вопросов, и я считаю ее единственным родным человеком. После смерти матери отец признался, что у него давно уже другая семья. Я так и не смогла ему этого простить.

В тот день я захлопнула за собой дверь родительского дома и больше никогда не бывала там. Я не поддерживаю связи с отцом, не отвечаю на его звонки и письма. Даже когда он приехал повидаться со мной, лежащей в больнице после падения с пятого этажа, я не желала его видеть.

И вот не так давно я заметила, что моя тетушка странно себя ведет. Какие-то телефонные переговоры по вечерам, причем дверь в комнату закрыта, и ведутся они придушенным голосом. Нетипичное поведение — тетя извлекла с антресолей чемодан и подолгу возилась с ним, перекладывая одежду. Мила поглядывала на меня виновато, но все не решалась начать разговор первой.

Наконец я не выдержала и спросила напрямик:

— Мила, признавайся, ты решила эмигрировать в Израиль или тебя завербовала британская разведка?

Тетушка, глядя в пол, пробормотала:

— Женечка, ты только не сердись. Но Максимка так долго просил меня приехать, я не могла ему отказать и, в конце концов, согласилась.

— Кто такой Максимка? — нахмурилась я. ■

Неужели у Милы на старости лет завелся тайный поклонник?!

Мила потрясенно уставилась на меня:

— Твой отец, Женечка. Мой младший брат.

Видимо, на моей физиономии было написано все, что я думаю, потому что Мила прижала руки к груди и затараторила:

— Женя, пойми, я уже немолода. Знаю, что ты до сих пор не простила отца, но ведь он мой единственный брат. И кто знает, доведется ли еще увидеться с ним... Так что можешь обижаться, сердиться, протестовать... Но завтра я улетаю во Владивосток. На два месяца.

— Да я и не собираюсь протестовать, — я погладила тетюшку по руке. — Поезжай спокойно. Повидайся с братом.

— Может быть, передать ему привет от тебя? — с надеждой спросила Мила, заглядывая мне в глаза снизу вверх.

— Обойдется, — мстительно прошипела я.

Но на следующий день отвезла тетю в аэропорт на своей машине и тепло попрощалась с ней. Надеюсь, им с отцом найдется поговорить о чем-то еще, кроме того, чтобы перемыывать косточки Жене Охотниковой.

Так что сегодня мне вполне ясна причина собственного недовольства.

Спустя шестьдесят минут я входила в подъезд старинного шестиэтажного дома, где проживал адвокат со своей супругой. Маргарита

Максимовна сама открыла мне дверь и приветливо пригласила войти.

Супруге Сташевича было столько же, сколько и мужу, а именно — семьдесят пять и ни днем меньше. Но выглядела она великолепно. Хрупкая дама в длинной узкой юбке и сиреневой блузке грациозно балансировала на высоких каблуках. Голубоватые седины удачно оттеняла нить бледного жемчуга (разумеется, натурального). Надо же, а я дома хожу в джинсах и черной майке... Хотя по такой квартире, как у Сташевичей, бродить в джинсах попросту неприлично. Высоченные потолки, драгоценный паркет, антикварная мебель. Особенно впечатлил меня белоснежный рояль.

Маргарита Максимовна поймала мой восхищенный взгляд и пояснила:

— Настоящий «Стейнвей». К сожалению, я больше не выступаю — годы добрались и до меня.

— Что вы, Маргарита Максимовна, — вполне искренне воскликнула я, — кто-кто, а вы годам неподвластны!

Пожилая дама польщенно улыбнулась:

— Благодарю вас, Женя. Не все согласятся с вами, — и дама бросила колючий взгляд на мужа.

Сташевич собрался что-то сказать, но супруга его опередила:

— Ах да, вас ведь ждут дела! Думаю, в кабинете вам будет удобно. Я провожу, — и Марга-